

MISCELLANIA

УДК 001.38+7.072.2

**Еще раз о симуляции научной деятельности
в гуманитарных дисциплинах***Е. И. Кононенко*Государственный институт искусствознания,
Российская Федерация, 125009, Москва, Козицкий пер., 5

Для цитирования: Кононенко, Евгений. «Еще раз о симуляции научной деятельности в гуманитарных дисциплинах». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 11, no. 2 (2021): 327–349. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2021.209>

Эссе вдохновлено статьей Б. Г. Соколова «Местечковая гуманитарная наука и образование перед вызовами третьего тысячелетия», в которой говорилось о не имеющих ничего общего с научным процессом «локальных вызовах», порожденных «интеграцией» и «оптимизацией», и о симуляционных действиях как ожидаемой реакции на эти вызовы. Ниже рассматриваются характерные способы симуляции научного процесса, ведущие к увеличению количественных параметров отчетов, но не способствующие приращению научного знания (искусственное наращивание публикационной активности, защита откровенно слабых квалификационных работ, в том числе диссертаций, имитационные заочные псевдонаучные конференции, «всеядность» платных журналов, размывание границ между жанрами работы в погоне за финансированием). Распространение симуляционных механизмов, не противоречащих букве нормативных документов, свидетельствует об утрате качественных критериев, необходимых для самосохранения науки. Использование регулирующих инструментов, предусмотренных действующими бюрократическими актами, также носит формальный, а зачастую откровенно симуляционный характер. Многие из выделенных «вызовов» не являются «локальными», присущими исключительно российской науке. Кроме того, как показывает практика последних лет, проблемы и последствия симуляции научной работы прекрасно осознаются отечественными учеными, пытающимися привлечь внимание к аномалиям и выработать механизмы противодействия их проявлениям (деятельность «Диссернета», АНРИ), что свидетельствует о существовании «инициативы снизу». Автор полагает, что образцом в восстановлении регулирующих механизмов для гуманитарных наук может стать деятельность профессионального сообщества искусствоведов. Сохранившиеся в этом сообществе критерии качества научной работы

и традиции критики не заменят навязываемые количественные параметры, но могут снизить репутационные потери отечественной гуманитарной науки.

Ключевые слова: гуманитарная наука, искусствоведение, симуляция, наукометрия, самосохранение, «Диссернет», «хищные журналы».

Рефлексии ученого сообщества по поводу того, чем же оно занимается, насколько значимо, корректно ли оценивается государством и ценится обществом, за последние десятилетия прошли несколько этапов развития, принимая формы плача об утрате лидирующих позиций советской науки, стремления к «интеграции в мировой процесс», мечты о «едином образовательном и научном пространстве», примерки на себя «даров данайцев» типа Болонской системы и индексов цитирования, отстаивания результативности «собственного пути», сомнений в эффективности внедряемой «наукометрии» и вменяемости тех, кто ее внедряет, и т. д. [1–5].

Необходимость доказывать свое значение всегда стояла перед гуманитарными науками острее, нежели перед естественными и техническими. Отечественные гуманитарии, озаботившись откровенно маргинальным положением науки и в общественной жизни, и в государственных приоритетах, и в бюджете, в очередной раз задалась извечными вопросами «кто виноват?» и «что делать?». В недавней статье Б. Г. Соколов был вынужден отметить превращение российской гуманитарной мысли «в местечковую — и по задачам, и по статусу, и, конечно, по результатам — науку, имеющую перед собой вполне внятные и, увы, отнюдь не всеобщие, а локальные вызовы, на которые ей приходится отвечать» [6, с. 42]. Среди таких вызовов отмечены 1) стремление быстро и без труда получить «достижения Запада» или то, что нам таковыми представляется, в том числе модели и методы познания, и 2) тотальная бюрократизация (формализация научного и образовательного процессов, громоздкая отчетность, насаждение тестирования). Известный специалист по теории культуры приходит к плачевным выводам: отечественные наука и образование лишь симулируют свое нормальное функционирование, безуспешно подстраиваются к навязываемым бюрократическим правилам, регламентам, наукометрическим подсчетам и рейтингам, но остаются «научным сектором развивающейся страны», «ущербной по своему статусу и судьбе маргинальной зоной» [6, с. 42–3, 46–8].

С этими пессимистичными констатациями можно поспорить. Но важнее обратить внимание на то, что, вопреки некогда любимому гуманитариями Тойнби, отечественная (и не только) гуманитарная наука почти не пытается противостоять отмеченным «локальным вызовам». Причиной этой пассивности является «разбалансировка» механизма самосохранения, выражаемая в утрате критериев качества, необходимых не только для преодоления маргинальности, но и вообще для функционирования науки. В предлагаемом эссе я хотел бы лишь поделиться отрывочными наблюдениями за тем, как это происходит в нашей научной дисциплине, и соображениями, что мы можем сделать.

***

Несколько лет назад я общался с бывшим сокурсником, давно осевшим в Париже. Впечатленный его рассказом об активности научной жизни на берегах Сены, я попросил: «Дорогой коллега, мы часто узнаем о близких по теме конференци-

ях, симпозиумах, форумах уже после их проведения; так ты информируй заранее, приглашай!» Коллега замялся, подумал, подбирая слова, и ответил: «Ты знаешь, мы пару раз приглашали ученых из России... Но тут на научных собраниях принято докладывать об открытиях, вводить новые данные, делиться свежей информацией... А ваши пытаются либо в очередной раз сообщить о том, что и так хорошо известно, либо донести какие-то субъективные интерпретации, которые на самом деле никому не интересны. Тут иные требования и критерии... Опыт с приглашением российских товарищей признан неудачным. Извини, друг».

Подобное пренебрежение способно легко развить комплекс исследовательской неполноценности. Однако мой бывший сокурсник — археолог; каждый полевой сезон действительно приносит археологам новые данные — раскопанные квадраты, слои, артефакты, которые, даже не являясь сенсациями и шедеврами, подтверждают либо корректируют статистику, выводы, гипотезы. Академическая история искусства не может похвастаться регулярным приростом новых художественных произведений, имен мастеров, исторических документов, и действительно новые данные, соответствующие «археологическому» пониманию, могут предоставить разве что музейные конференции с атрибуционными докладами. Роль эксперимента, столь важного в естественных науках, у нас обычно играет изменение контекста восприятия изучаемого объекта, например выставки, на которых знакомые картины приобретают неожиданное соседство.

Подавляющее большинство гуманитарных (в том числе искусствоведческих и культурологических) исследований — это именно контекстные интерпретации: сопоставление (с данными других дисциплин и другими произведениями, например литературными), уточнение, проведение параллелей, поиск аналогий, определение новых возможностей «прочтения». Искусствовед (и не только) никак не влияет на объект своего изучения (максимум — на восприятие этого объекта, его оценку), не производит никаких новых объектов (кроме текстов), его деятельность не меняет не только мир, но и даже представление о мире. Понимание этого факта зачастую приводит к разочарованию в избранной профессии [7].

В глазах среднестатистической общественности работа искусствоведов выглядит «рассказами о картинках», «говорильней», «бла-бла-бла и все такое», не имеющими никакого практического смысла, кроме разве что экскурсий (есть даже профессиональное оскорбление «искусствовод»). К сожалению, сами искусствоведы в подавляющем большинстве случаев оказываются не способными и не заинтересованными в популяризации своей дисциплины, как это смогли сделать, например, Саган для астрономии, Фейнман и Хокинг для физики, Докинз для генетики. Публикация первого романа Умберто Эко вызвала ажиотажный конкурс на университетские кафедры медиевистики. Но о деятельности искусствоведов широкая публика судит, как правило, по детективам Артуру Перес-Реверте, Дэна Брауна и Йена Пирса, действия персонажей которых столь же далеки от будней искусствоведения, сколь приключения Индианы Джонса от подлинной археологии.

«Образ искусствоведа в массовом сознании» вполне может стать темой диссертации по культурологии (дарю!). Боюсь, что этот образ персонифицируется в парадно-музейной даме, с важностью эксперта повествующей на телеканале «Культура» о каких-то никому не интересных и далеких от реальных нужд «проблемах интерпретации» непонятных произведений современного искусства. Такой образ

закрепляет иллюзию «чистенькой» музейно-выставочной работы, заключающейся в пустопорожном разглагольствовании и непременно сопровождающейся телеэфирами и заграничными конгрессами.

Необходимая работа по популяризации науки, чрезвычайно трудоемкая, требующая знаний, вкуса, владения слогом, у нас традиционно считается периферийной, достойной лишь неких «недоученых», не нашедших себя в «серьезной науке», подобно тому как прекрасные «детская литература» и «кинематограф для детей» почему-то стали «низким жанром» и почти вымерли. Гриф «научно-популярная литература» обрекает авторов и издателей на отсутствие грантового финансирования, и такие издания обычно не засчитываются как результат научной деятельности: подразумевается, что автор пишет их «для себя», в свободное от основной серьезной работы время.

Но насколько на самом деле серьезна эта работа? Может ли (и должен ли) пресловутый «широкий читатель», образ которого рисует себе каждый автор, отличать ее от «бла-бла-бла»?

К огромному сожалению, приходится признать, что мы, искусствоведы, не сделали для изменения этого образа ничего, причем не только для «широкого читателя», но и в пределах корпоративного самосознания. Весьма значительная часть работ, представляемых и публикуемых гуманитариями (в том числе искусствоведами) в качестве научных докладов, статей, монографий и даже (страшно сказать!) госзаданий и диссертаций, не умножает знание, а является формальными «отписками», работой «для галочки». Однако это не исключительно российская реалья, и виновата в этом не только и не столько бюрократизация, сколько недостаток «инициативы снизу».

Особо подчеркну: не отсутствие, а именно недостаток. Несколько лет назад трудно было представить резонансные доклады «Диссернета» о «диссеродельных фабриках», «хищных» и «мусорных» журналах, научной нечистоплотности ректоров, депутатов, судей. Мало кто знал о самой возможности ретракции научных публикаций, которой занимается, в частности, Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ). Немногочисленные пока факты лишения ученых степеней, исключения изданий из «списков ВАК» и ретракции вселяют надежду на то, что отечественная наука осознает необходимость наладки разболтанных механизмов самосохранения и поддержания репутации. Но «Диссернет» и АНРИ занимаются лишь наиболее откровенными фактами плагиата и подлога, нарушающими не только научную этику, но и закон. Основную же часть айсберга научной симуляции составляет попросту низкокачественный «продукт», являющийся плодом несерьезной научной работы. Его появление не нарушает норм академической этики, его создателей нельзя обвинить в противоправных действиях, и большинство авторов серьезно, честно и даже увлеченно работают «на репутацию». Вот только результат зачастую оказывается пшиком.

***

Напомню, что в последние годы существования СССР специальность «искусствовед, историк искусства» можно было получить только в трех вузах огромной страны, а ученая степень кандидата наук не воспринималась как обязательное приложение к аспирантуре. В популярной в студенческой среде в середине 1990-х

анонимной брошюре с провокационным названием «Диплом за три дня» (содержавшей, между прочим, весьма грамотные советы по составлению плана работы, подбору историографии, рубрикации текста, логике изложения материала) оговаривалось, что предложенные рекомендации по компиляции фрагментов текста, результативные для дипломных работ по истории, философии, социологии, нельзя использовать на кафедрах искусствоведения — уже хотя бы потому, что темы исследований вычурны, количество объектов изучения ограничено, найти неизвестную членам комиссии книгу, из которой можно безопасно «заимствовать» текст, почти невозможно, а корпоративная узость гарантирует огласку скандала в профессиональных кругах. Редакционные фильтры были настолько жесткими, что растягивавшаяся на годы публикация статьи, а тем более книги свидетельствовала о действительном вкладе в науку: достаточно посмотреть списки публикаций наших учителей, чтобы убедиться, что признанные мэтры за всю свою профессиональную карьеру успевали опубликовать три-четыре десятка статей, многие из которых сохраняют значение по сей день.

Навязываемая наукометрия, требования ВАК и плановые нормативы научных институтов ожидаемо вызвали рост количества публикаций без какого-либо контроля их содержания [8, с. 3, 6–7]. Написав большое серьезное исследование, практически любой исследователь ныне предпочтет его «придержать», раздробить на несколько маленьких статей, разместить их в разных изданиях, а только потом издать ту самую работу, якобы «обобщающую этапы» и «подытоживающую результаты» [9, с. 914]. Проверить хронологию работы ученого невозможно (да никому и не нужно). Сотрудник закрывает план, обеспечивая требуемые количественные показатели. Результаты работы организации в отчетах выглядят убедительнее. Портфели изданий наполняются. Этические нормы не нарушаются, ничьи интересы не страдают. Беда в том, что и нового знания, ради которого наука и функционирует, не прибавляется — растут лишь списки публикаций (там, где была одна, оказываются три, четыре, пять), объемы отчетов да количество бессодержательной околонуучной макулатуры, которую мало кто читает и тем более цитирует. А для публикации в рецензируемых западных журналах, которые жестко лимитируют объем и форму представляемых материалов, переводится как раз одна из статей-малышек, содержащая мизерную долю уже устаревшей научной информации, выдаваемой за новейшее открытие, которым не стыдно поделиться с миром... «Для большого количества отечественных ученых научная статья <...> стала галочкой в отчете, формой симуляции, тем, чем она является для менеджеров в сфере науки» [10, с. 190]. Это лишь подкрепляет обидную репутацию отечественной гуманитарной науки как «слаборазвитой».

Однако погоня за количеством публикаций — это не очередная сугубо российская беда. Еще в 2011 г. Ассамблея Международной ассоциации научно-исследовательских институтов истории искусств (RIHA) приняла резолюцию, в которой отмечалась неэффективность применения количественных методов оценки качества научной работы в гуманитарной сфере [11]. В тот момент ни одна российская организация в RIHA не входила, но проблема уже была озвучена на международном уровне, и мы просто наступили на те же грабли.

Никого не удивляет, что публикационная активность ученого в журналах, имеющих ваковский, WoS- или Scopus-статус, резко увеличивается перед защитой дис-

сертации и так же резко снижается после защиты: для свежееиспеченных докторов наук приоритетом становятся не «квартили» изданий, а оперативность публикации. Накопленного запаса ваковских статей хватает на ближайшие пять лет, после чего перед диссоветами «неожиданно» возникает проблема отсутствия у их членов необходимого количества ежегодных публикаций.

Кстати, о рецензируемых западных журналах... Даже вице-президент РАН был вынужден признать, что особо уважаемая наукометрией публикация в изданиях, входящих в международные базы цитирования, чаще всего обеспечивается откровенно коммерческими «сборниками материалов конференций с международным участием» (т. е. со статьями, присланными из Китая, Казахстана, Украины), никем не редактируемых, не рецензируемых и не читаемых [9, с. 911–2, 914; 12; 13]. В спам-рассылках ученым предлагается срочно и недорого опубликоваться в журнале, якобы зарегистрированном в Венгрии, Дании, Норвегии, Канаде... При этом у хорошей статьи, вышедшей в каких-нибудь малотиражных «Ученых записках» провинциального вуза, но скопированной автором на свою страничку на Academia.edu, намного больше шансов быть прочитанной зарубежными коллегами, нежели у мертворожденного раздутого «совместно-китайского» сборника, правдами и неправдами получившего WoS-статус, — подобные симуляционные статейки помпезно указывают в годовых отчетах как яркое свидетельство «международного признания», но стыдливо прячут от коллег.

Приоритетность публикаций, индексируемых в списках ВАК, WoS и Scopus, вызвала вполне понятное стремление ряда узкоспециальных изданий войти в эти базы. К сожалению, это оказалось проще, чем сохранить уровень качества: ряд художественных, искусствоведческих, культурологических журналов, некогда способных оперативно публиковать исследовательские и критические статьи, добились желаемого статуса, после чего столкнулись, во-первых, с необходимостью изменения издательских требований (прежде всего с крайне неудобным оформлением справочного аппарата статей в непривычных «гарвардском», «чикагском», «канадском» стилях) и, во-вторых, с повышенным вниманием авторов, чьи материалы формально соответствуют этим требованиям, но лишены актуальности, новизны и остроты. Некоторые из этих журналов вынуждены публиковать вне очереди недостающие для отчетов скороспелые статьи членов ближайших диссоветов, растеряв авторов, для которых формальный рейтинг журнала в «квартилях» был далеко не приоритетным по сравнению с безупречной репутацией издания и оперативностью публикации. Как ни странно, «индексируемость» и «статусность» смогли превратить востребованные специальные журналы в безликие, а то и «мусорные» [10, с. 170, 186].

Однако следует оговорить, что если российских авторов вынуждают публиковаться в «рейтинговых» иностранных журналах, то факт появления статьи в отечественных изданиях, тем более входящих в какие-либо «индексы» и «базы», оказывается столь же привлекателен для, например, ученых из ближнего зарубежья. Беда в том, что редколлегии таких журналов не в состоянии обеспечить сколь-либо приемлемый уровень рецензирования материалов. В качестве лишь одного примера приведу научный электронный журнал «Бюллетень науки и практики» [14], само название которого позволяет размещать в нем статьи по любым областям знаний — от медицины до филологии (искусствоведческие материалы попадают

в раздел «Исторические науки»), а взнос в 40 долларов «за статью вне зависимости от количества страниц» обеспечит благожелательность «470 рецензентов из десяти стран», причем от момента поступления статьи в редакцию до размещения собранного номера в интернете проходит месяц. Понятно, что при такой оперативности издательского процесса сил батальона рецензентов не хватает, чтобы хоть как-то фильтровать «пустышки», в большинстве своем представляющие пять страничек с изложением давно известных сведений без обращения к хрестоматийной библиографии. Подобные публикации, у некоторых из которых по 5–6 соавторов, обеспечивают не только необходимые количественные показатели коллегам из Армении, Киргизии, Таджикистана, но и «международный статус» электронному журналу, гарантируя его ежемесячный (!) выход (и, очевидно, доход). Вот только Нижневартовск, уже пять лет являющийся «портом приписки» «Бюллетеня», почему-то не превращается в крупный центр гуманитарной науки. Имитационные «пустышки» стряпаются не ради того, чтобы сообщить новую информацию, а ради самого факта публикации, и это устраивает всех — авторов, рецензентов и тем более издателей.

В докладе РАН было отмечено, что слепая погоня за количеством публикаций и индексами цитирования не только не способствует приращению научной информации и искажает наукометрические показатели, но и «ухудшает на много лет вперед моральный и интеллектуальный климат в образовательной и научной среде» [15]. Но РАН занимается наукой, а чиновники радуются о выполнении инициативы «5-100», ставшей очередным непродуманным следствием майских указов. На много лет вперед, т. е. на перспективу, превышающую отчетный период, чиновникам прогнозировать неинтересно.

В 2020 г. Большой ученый совет Института искусствознания был вынужден обратиться к высшим чиновникам, ответственным за науку и образование, с открытым письмом, в котором, в частности, указывалось: «Система, в которой публикация статей становится главной целью, искажает мотивацию и дезориентирует ученых, перенаправляя их с проведения глубоких исследований на создание скороспелых продуктов. Погоня за индексом цитирования питает прежде всего псевдонауку, создает пространство для различных манипуляций и порождает умелых карьеристов. В этот неблагоприятный процесс оказываются втянуты не только авторы научных статей, но и рецензенты, редакторы, издатели» [16]. Вопросы, кто из адресатов отреагировал на это письмо и что именно ответил, предсказуемо риторические.

***

Можно найти массу «объективных» причин того, что в большинстве вузов на защитах дипломов «выжила» двухбалльная система оценки — «хорошо» и «отлично». Можно по-разному относиться к заполнению бюджетных мест в аспирантуре, ставшей лишь ступенью предоставляемых образовательных услуг. Но нашему поколению объясняли: «Вас дотянут до выпускного в школе... В институте вас, скорее всего, как-то доведут до диплома... Вы можете отучиться в аспирантуре. Но единственный раз, когда вам придется отвечать по гамбургскому счету, — если вы когда-нибудь дойдете до защиты диссертации».

Нет необходимости писать о том, насколько формальной стала процедура защиты диссертаций. Длившиеся по шесть часов тщательно стенографировавшиеся

заседания диссоветов, на которые собиралась публика, где сталкивались мнения научных школ и «подзащитному» под нажимом принципиальных оппонентов приходилось действительно отстаивать положения диссертации, стали страшными преданиями. Нынешние нормативы позволяют диссовету в один день проводить до четырех заседаний [17, п. 24]. Понятно, что при такой конвейерной штамповке «кандидатов в доктора» с заведомо дружественными оппонентами и заранее срежиссированными вопросами и ответами ни о каких «научной дискуссии» и «обстановке требовательности и принципиальности», указанных в «Положении о присуждении ученых степеней» [18, п. 30], речь идти не может.

В том же «Положении о присуждении...» определено, что кандидатская «диссертация <...> должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» [18, п. 9]. Однако достаточно посмотреть список названий диссертаций почти по любой гуманитарной специальности (например, «Объявления о защитах» на сайте ВАК), чтобы задаться вопросом: какое значение имеют эти темы для развития отрасли и / или страны? Заполнение пунктов «Связь работы с планами соответствующих отраслей науки и народного хозяйства» и «Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации» в отзыве ведущей организации ставит в тупик. Зачастую темы-пустышки плохо сформулированы (претензия к научным руководителям и ученым советам, утверждавшим темы), объект изучения далеко не нов, предмет выглядит вымученно-искусственным, проблему из формулировки темы понять невозможно... Написав подобную диссертацию, новоиспеченный кандидат наук лишь демонстрирует навык соблюдать формальные академические нормы, но, вопреки требованиям «Положения о присуждении...», не вносит никакого вклада в избранную область знания, работа является «квалификационной», но ни в коем случае не научной, что, впрочем, не мешает ей быть триумфально защищенной.

Необходимые параграфы диссертации «Научная новизна», «Актуальность» и «Практическая значимость» заполняются «под копирку», попросту «заимствуются» из целого корпуса аналогов с заменой ключевых слов. Какую научную ценность имеет факт, что при наличии обширной историографии вопроса он освещен «первые в отечественной науке»? В нашей деревне наконец-то собрали велосипед, хотя в уезде давно ездят на авто? Подчеркивание подобной «новизны» лишь усиливает ничтожность «научного достижения». «Материалы диссертации могут быть полезны (использованы, востребованы) для спецкурсов...», а вполне могут и не быть, и это еще надо организовать где-то такой лекционный курс, для которого пригодятся эти материалы, и еще вопрос, будут ли это авторские положения и выводы или те посылки, источники и историография, которыми пользовался диссертант (они ведь тоже «материалы диссертации»). Иными словами: я вот тут написал нечто, что соответствует формальным квалификационным требованиям, а нужно ли это, не мне судить, вдруг пригодится кому... Разочарую: в подавляющем большинстве случаев не нужно, не пригодится.

Есть два вопроса, которые, будучи заданы на защите «из публики», вызывают оторопь у слабо защищающегося и возмущенное перешептывание членов дис-

совета по гуманитарным дисциплинам. Первый — о конкретном практическом применении результатов исследования. Второй — о методах проведенного исследования, которые, конечно, как-то наукообразно сформулированы в необходимых параграфах введения и автореферата (по образцу десятков других авторефератов), но о которых подавляющее большинство диссертантов имеют крайне слабое представление. О каких-то особых «методах искусствознания» вспоминают, лишь когда нужно найти формальный предлог для возвращения статьи на доработку и оправдания статуса рецензируемого издания, и то упрек обычно сводится не к несоблюдению методике, а к тому, что методы проведенного исследования не указаны во введении к статье.

Нет необходимости напоминать, что искусствознание не только оперирует собственными методами, но и активно обращается к методам других дисциплин. Студенты и аспиранты, безусловно, знают об их существовании, но в учебном процессе методология зачастую подменяется историей методологии: молодые ученые лучше знают о том, кто из предшественников какой метод развивал, нежели то, чем отличается иконология от иконографии или семантика от семиотики. Отсюда рождается уверенность, что вопрос «как изображено?» автоматически оказывается в сфере формально-стилистического метода, а «что изображено?» — это иконография; возможность объявить нечто изображенное «символом чего-то» переводит исследование в разряд «семиотических», а уж если приходится говорить сразу о нескольких аспектах, исследование становится «комплексным». Соискатели очень удивляются, узнав, что для оправдания «сравнительно-типологического метода» следовало не просто сравнивать А и Б, но и предварительно выделить устойчивые признаки разнородного материала и ввести классификацию по этим признакам. Перечисление «использованных методов» в автореферате и тексте диссертации не имеет ничего общего с действительной методологией искусствознания, но формальное требование — обозначить методы исследования — выполнено, выглядит вполне наукообразно и соответствует номенклатуре специальности. Симуляция переходит в профанацию, но это не интересует ни диссовет, ни «Диссернет».

Кстати, те же археологи очень удивляются, когда узнают, что диссертации, в названии которых есть слова «изображения», «орнамент», «пластика», «архитектурный декор», отклоняются некоторыми диссоветами по искусствоведению на том основании, что попросту не соответствуют ни проблематике, ни методологии, ни паспорту специальности. Убеждение в том, что любой текст, иллюстрированный картинками, автоматически является «искусствоведческим исследованием», укоренилось именно благодаря тем диссоветам, которые такие диссертации все-таки принимают к защите.

Следует обратить внимание и на такой факт: прекращение или приостановка деятельности ряда диссоветов по искусствоведению к началу 2020 г. не привела к взрывному увеличению нагрузки на оставшиеся. Соискатели с ранее принятыми к рассмотрению или защите диссертациями либо предпочли выжидать возобновления деятельности «родных» диссоветов, либо, обратившись в оставшиеся советы, столкнулись с отказами на основании несоответствия представленных работ требованиям. Это свидетельствует о том, что не все диссоветы по одним и тем же специальностям проявляют одинаковую принципиальность и (во всяком случае в глазах соискателей) способны по-разному оценивать одни и те же диссертации

на «профпригодность» (что девальвирует выстроенную ВАК систему единых критериев и требований).

Можно ли как-то по-другому? Оказывается, можно. Научные интересы заставляют меня внимательно следить за работой турецких коллег. Турция, амбиции которой сопоставимы с отечественными, прекрасно обошлась без собственного проекта типа «5-100». Включение в международную образовательную среду там обеспечивается не столько количественной подгонкой к «мировым стандартам», сколько широкими возможностями обучения и стажировки собственных студентов и специалистов в лучших университетах и научных центрах мира и программы, направленными на привлечение в страну иностранных (европейских) ученых, преподавателей и учащихся. Выполнение задачи «быть на равных» выливается не в количественные, а в качественные показатели без скидок на владение языком, «квартилы», индексы и так далее: приглашают ли тебя на солидные конференции, принимают ли твои статьи в серьезные журналы, участвуешь ли ты в рабочих группах наряду с именитыми учеными. Издаваемые в Турции научные журналы сохранили логичное оформление достаточного научного аппарата, принципиально отказавшись от копирования предельно неудобных «стилей». На обороте титульного листа диссертации (публикуемой, как и у нас, в интернете, но после защиты) появляются подписи членов «диссовета», одобрявших работу и гарантировавших ее качество, и в любой момент можно посмотреть, чьи научные репутации стоят за конкретным молодым ученым, кто за него «поручился». У нас же порой невозможно найти, кто же конкретно входил в комиссию, принявшую очередную халтурную диссертацию к защите, хотя «заключение о принятии» формально должно публиковаться на сайте организации: оно, как и отзывы оппонентов, удаляется при первой возможности.

***

Традиционной формой научной деятельности являются семинары, конференции, конгрессы. Правда, в нынешних условиях приспособления к наукометрии и они приняли извращенные симуляционные формы. Организаторы конференций уже смирились с тем, что участники приходят на заседания не столько для заслушивания сообщений коллег и обсуждения проблем, сколько для прочтения заявленного доклада и на секциях присутствуют лишь несколько человек.

Одна из причин подобной ситуации — противоречие между чрезвычайно широкими темами конференций и слишком узкими темами заявленных докладов, порой затрудняющее даже объединение их в конкретную секцию. Понятно, что к абстрактно сформулированной теме можно приспособить практически любой предмет изучения, чем и пользуются организаторы расплодившихся откровенно коммерческих «мультинаучных заочных конференций с международным участием», генерируя безликие названия изменением набора и порядка словосочетаний «актуальные вопросы», «контекст глобализации», «факторы инновационного развития», «современные концепции», «интеграционный потенциал» и т. д. (рис. 1, 2). Эти словосочетания придают наукообразию любому превдоосмысленному тексту. Для симуляции научной работы комбинация подобных слов на обложке «сборника материалов» (а именно он и является целью «проведения» мероприятия) подходит как нельзя лучше. О том, кто этим занимается и даже сколько это стоит, уже писалось

Рис. 1. Типовые сборники материалов международных научно-практических конференций, издаваемые НИЦ МИСИ. <http://conference-nicmisi.ru/aktualnye-problemy-i-sovremennye-tendentsii-razvitiya-gumanitarnyh-nauk-transformatsiya-idejnyh-vzglyadov.html>

 OMEGA SCIENCE МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИННОВАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ		Главная О Центре Конференции Научные Издания Авторам Издательские Услуги Контакты				
RF-KON-14	29 мая 2020г.	Всероссийская научно-практическая конференция «СИНТЕЗ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ»	Том1 Том2	том1 том2	Сертификаты	
KON-304	24 мая 2020г.	Международная научно-практическая конференция «ИННОВАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ»	Том1 Том2 Том3	том1 том2 том3	Сертификаты	
KON-303	19 мая 2020г.	Международная научно-практическая конференция «КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА»	Том1 Том2	том1 том2	Сертификаты	
KON-302	14 мая 2020г.	Международная научно-практическая конференция «ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИЯ, ЗАДАЧИ, ВНЕДРЕНИЕ»	Том1 Том2	том1 том2	Сертификаты	
KON-301	09 мая 2020г.	Международная научно-практическая конференция «ОБЩЕСТВО - НАУКА - ИННОВАЦИИ»	Том1 Том2	том1 том2	Сертификаты	
KON-300	04 мая 2020г.	Международная научно-практическая конференция «ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПОИСК И ВЫБОР ИННОВАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ»	Том1	том1	Сертификаты	
RF-KON-13	29 апреля 2020г.	Всероссийская научно-практическая конференция «АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ПОИСК РЕШЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»	Том1 Том2	том1 том2	Сертификаты	
KON-299	24 апреля 2020г.	Международная научно-практическая конференция «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»	Том1	том1	Сертификаты	
KON-298	19 апреля 2020г.	Международная научно-практическая конференция «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ»	Том1	том1	Сертификаты	

Рис. 2. Перечень научно-практических конференций, якобы проведенных в апреле-мае 2020 г. МЦИИ Omega Science (Уфа). <https://os-russia.com/arch-konf>

в журналах РАН, но призыв к ревизии подобных изданий услышан не был [9, с. 911–2]. Помещаемые в таких поточных и всеядных сборниках «доклады» изредка используются для оперативной фиксации авторства (это проще и быстрее, чем по старинке депонировать рукописи), но чаще оказываются «пустышками» из разряда «дробленных статей», не рассчитанными на чье-либо прочтение и пригодными лишь для наращивания количественных параметров в отчетах.

В качестве примера такой коммерческой «охоты на клиента» приведу «Альманах педагога», активизирующийся перед летними каникулами в надежде на то, что до начала нового учебного года перед многими учителями встает необходимость подтверждать или повышать квалификационную категорию, для чего крайне желательно предоставить свидетельство о прохождении тестирования, сертификат

На педагогическом сайте «Альманах педагога» вы сможете принять участие в конкурсе, тестировании, вебинаре, семинаре, конференции, опубликовать статью, пройти обучение на курсах по ФГОС и ИКТ, создать сайт педагога и уже сегодня получить диплом, свидетельство, сертификат для аттестации или портфолио по кнопке «ДОКУМЕНТ» в верхнем меню. Благодарственное письмо от редакции издания бесплатно!
Самые популярные среди педагогов сервисы отмечены специальным знаком качества!

Рис. 3. Реклама продукции всероссийского образовательно-просветительского издания «Альманах педагога» [19]

участника профессиональной конференции (семинара, вебинара), а еще лучше иметь публикацию. Ключевые слова здесь: «предоставить свидетельство», и сайт гордо обещает: «Диплом сразу!», суля в качестве бонуса «благодарственное письмо от редакции издания бесплатно» [19] (рис. 3). Именно такими дипломами и благодарственными письмами образовательные учреждения разных уровней отчитываются по цепочке, симулируя профессиональный рост своих кадров и соучаствуя в мошенничестве. Вряд ли кто-то из родителей интересовался, чем конкретно подтверждена квалификация учителей их детей... Среди таких «повышенно-квалифицированных педагогов» есть и преподаватели МХК, и именно с их учениками мы встречаемся на вступительных экзаменах.

Одно крупное образовательное учреждение, занимающееся, помимо прочего, подготовкой искусствоведов, неоднократно приглашало меня почитать спецкурсы студентам и аспирантам. Настораживало примечание: «Привезите с собой бланки сертификатов Вашего института о повышении квалификации для наших преподавателей». Желая прояснить ситуацию, я уточнял, что 1) занятия проведу с удовольствием, но лишь для обучающихся; 2) не имею статуса эксперта, уполномоченного проводить какую-либо профессиональную сертификацию; 3) представляемая мною организация не занимается квалификациями преподавателей, но формулировка приглашений упрямо не менялась. Лишь когда я четко написал, что не считаю несколько прослушанных студентами лекций основанием для документально подтвержденного повышения статуса преподавателей, переписка прекратилась.

Хорошо известно, что любой юбилей оправдывает любые инициативы и вложения. Конференции «для галочки» часто приурочиваются к каким-либо памятным датам. Последние несколько лет мне попадалось много анонсов научных мероприятий, посвященных достаточно узким вопросам образования, языкознания,

религиоведения, национальной идентичности, гендерной политики и прочему, снабженных «посвящением» 75-летию Победы. Вероятно, такое «посвящение» должно было оправдать «актуальность» намеченного действия, позволяло включить его сразу в несколько пунктов планов и отчетов и обуславливало финансирование по престижной статье расходов «на юбилей». В данном случае привычная симуляция приобретает характер оскорбительного фарса.

Другая сторона той же медали — откровенное несоответствие доклада узко сформулированной теме конференции. Логично предположить, что если научное мероприятие посвящено, например, юбилею конкретного ученого, то заявляемые доклады должны уточнять высказанные им положения, дополнять его работы или хотя как-то соответствовать его интересам, иначе возникает ситуация из анекдота о «памятнике Сталину в честь юбилея Пушкина». Конечно, приложив некоторые усилия, можно найти обоснование для включения почти любого доклада в программу почти любой конференции, но насколько это необходимо делать?

К счастью, в последние годы организаторы многих серьезных научных мероприятий стараются не только сузить формулировку темы, но и акцентировать постановку обсуждаемой проблемы, уточнить понимание ключевых терминов, очертить географические и хронологические рамки аргументов, указать в качестве методического примера конкретные исследования, для распределения потенциальных докладов по секциям конференций запрашиваются аннотации и тезисы. Но если оргкомитеты, например, европейских конференций не стесняются ответить на заявку отказом, указав на несоответствие темы, то у нас предупреждения о том, что «оргкомитет оставляет за собой право отказать...», всерьез не воспринимаются и право это крайне редко используется. Последнее особенно справедливо для аспирантских конференций: «Ну им же надо нарабатывать практику и набирать количество выступлений для апробации...» Но почему же за счет тех, кому это не интересно и не нужно?

Всеядность организаторов конференций приучает будущих ученых к вседозволенности, наскоро придумываются порожные темы без предмета и каких-либо задач исследования, не требующие знания историографии, никак не развивающие науку доклады (и снова «бла-бла...») зачитываются перед откровенно скучающей аудиторией... Организаторам парижских конференций пары подобных докладов хватило для категоричного вывода о некомпетентности всей российской гуманитарной науки. Так не мы ли сами формируем нелестное впечатление о себе?

***

Еще один яркий пример симуляции нормальной научной деятельности — размывание традиционных жанров работы. Составители отчетов и библиографий уже привыкли к тому, что ученые «путают» краткие аннотации и прелиминарные тезисы на полстранички с материалами конференции, а упоминания в паре предложений в журнальных разделах «Научная жизнь» («В своем докладе имярек обратил внимание на...») — с публикациями самих докладов.

Пару лет назад я присутствовал на заседании ученого совета одной уважаемой организации, обсуждавшего завершённые работы. Среди таких работ была и коллективная монография о современном искусстве с довольно рыхлой рубрикацией и широким кругом поднимаемых вопросов, авторский коллектив которой насчитывал несколько десятков (!) имен. Легко выяснилось, что обсуждаемое издание появилось

Архив коллективных монографий

Шифр	Дата	Тема монографии	Электронная версия	Ссылка РИНЦ
КМ-05-18	28 Августа 2018г.	Модернизация культуры: тенденции и вызовы XXI века	 Скачать	 Перейти
КМ-04-18	30 Апреля 2018г.	Результаты исследований естественных и точных наук: междисциплинарный подход и сверхаддитивный эффект	 Скачать	 Перейти
КМ-03-18	30 Марта 2018г.	Результаты исследований социальных и гуманитарных наук: междисциплинарный подход и синергетический эффект	 Скачать	 Перейти
КМ-02-18	28 Февраля 2018г.	Прикладные, поисковые и фундаментальные социально-экономические исследования: интеграция науки и практики	 Скачать	 Перейти
КМ-01-18	30 Января 2018г.	Научные исследования в сфере педагогики и психологии: конвергенция и генезис знаний	 Скачать	 Перейти
КМ-11-17	30 Ноября 2017г.	Готов к труду и обороне: история и современность	 Скачать	 Перейти
КМ-04-17	28 Апреля 2017г.	Научные изыскания в сфере социально-экономических и гуманитарных наук: междисциплинарный подход и генезис знаний	 Скачать	 Перейти
КМ-02-17	15 Февраля 2017г.	Педагогика и психология, наука и образование: теоретико-методологические подходы и практические результаты исследований	 Скачать	 Перейти

Рис. 4. «Коллективные монографии» Поволжской научной корпорации NauCorp [21]

после проведения одноименной конференции, и возник закономерный вопрос: почему результатом должна быть именно коллективная монография, а не сборник статей, которым, собственно, представленный результат и является? «Широкий спектр проблем и подходов», анонсированный как достоинство данной «коллективной монографии», обширный круг авторов и даже их терминологические разногласия явно противоречили четкому представлению о типологических различиях научных изданий, сформулированному в издательских требованиях [20]. Пытаясь отклонить возражения ревнителей чистоты жанров, составители обсуждаемой работы ссылались на общую тенденцию к «преодолению дисциплинарной узости», необходимость «расширения методологических границ», потребность в «обобщающем толковании понятий» (регламентированном, между прочим, ГОСТами¹), но в итоге вынуждены были признаться: на издание коллективной монографии можно получить грант, а сборник статей организации придется издавать на бюджетные средства.

«Локальные вызовы» отечественной науке бросает не только бюрократия, но и рынок, и в рекламных рассылках все чаще попадаются приглашения «опубликовать главу в коллективной монографии», комплектация и издание которых, как и сборников материалов конференций, стали «услугой» и поставлены на поток коммерческими «межвузовскими издательскими центрами», «научными корпорациями», «коллегиями независимых авторов» и т. д. [9, с. 911–5; 21–24]. Оплаченная квитанция превращает нетребовательного ученого в соавтора рецензированной коллективной монографии на наукообразную тему, индексированной в РИНЦ, размещенной в eLibrary, украшающей отчетность любого уровня, но ни по названию, ни по востребованности у читателя, ни по вкладу в науку ничем не отличающейся от «мусорных» псевдоматериалов лжеконференций [25] (рис. 4).

¹ ГОСТ 7.60-2003, п. 3.2.4.3.1.1–3.2.4.3.1.2, п. 3.2.2.2.

Безусловно, форс-мажорные карантинные меры 2020 г. стали неожиданным и отнюдь не «локальным» вызовом. Судя по тем же отчетам, гуманитарную науку все эти меры (на момент написания статьи) мало затронули — ученые благополучно продолжали работать в дистанционном режиме, активно читая лекции, доклады, публикуя статьи, дорабатывая монографии и диссертации... Будет сделан вывод: наука не пострадала, она обладает ресурсами для выживания, вмешиваться не нужно. Все закроют планы, некоторые получают премии. Однако чтение онлайн-лекций потребовало переделать весь иллюстративный материал, дистанционное ведение семинаров вынудило изменить содержание заданий и алгоритмы их проверки, а переход на «удаленку» сопровождался взрывным ростом отчетной документации. Ученые и преподаватели вдруг поняли, что «многозадачность» совсем не оставила времени на ту самую плановую работу, которую они и считали для себя главной, а необходимость регулярно доказывать свою способность нормально функционировать в режиме самоизоляции вместо ожидаемого качественного сдвига породила новую волну симуляции: наскоро состряпанные доклады на перенесенных в непривычный Zoom конференциях, формализованное обсуждение и неминуемое одобрение якобы завершенных проектов, хвалебные рецензии на откровенно слабые статьи, принимаемые в портфели журналов для соблюдения графика выхода и обеспечения деятельности диссоветов. Легко прогнозировать новый вал «пустышек».

Никто пока что не считал «отложенный ущерб» от мер дистанцирования, одним из аспектов которого окажутся последствия предельно формализованных выпускной кампании в вузах и приемной — в аспирантурах. Если в «мирных условиях» многие мои коллеги имели возможность заблаговременно присмотреться к потенциальным аспирантам, выступая руководителями или рецензентами дипломных работ в вузах и рекомендуя продолжить обучение, то после «онлайн-защит» многие аспирантуры были вынуждены проводить прием в полном смысле по объявлению и допускать к приемным экзаменам претендентов с «неудами» за реферат выпускной работы. На вопрос «Зачем?» ответ простой: «Они имеют право, а от нас требуют нормального функционирования отдела аспирантуры». Симуляция процветает и здесь. Наберемся терпения и дождемся выпускных квалификационных работ...

Говоря о «вызовах» отечественной гуманитарной науке, Б.Г. Соколов заключил: «Мы живем в эпоху тотальной симуляции уже не второго, а третьего, а возможно, и четвертого уровня, четвертого порядка, когда существующие нарративы обладают абсолютной непроницаемостью, а потому не могут быть изменены» [6, с. 48]. Приходится согласиться: вся десятилетиями создававшаяся громоздкая система «научного менеджмента» рассчитана не на совершение открытий или хотя бы достижение сколь-либо значимых научных результатов, но лишь на согласование многоуровневых планирований и отчетностей по госзаданиям, нормативам, внедрениям, освоениям, оптимизациям. Единственными доступными опциями в этом процессе согласования остались «одобрение» (прочитанного доклада, завершенной монографии), «рекомендация» (к защите, публикации), «принятие» (за основу, в печать), поскольку «неодобрение» и «нерекомендация» имеют следствием «невыполнение» задания, «несоблюдение» сроков, «неосвоение» фондов.

Старшее поколение помнит знаковую миниатюру: «Одобрый. С большой буквы. Потому что это не глагол. Это больше чем действие. Это — название эпохи. У людей был Ренессанс. У нас был Одобрям-с». Так вот: эта эпоха не закончилась. Любой ученый секретарь, зам. по науке, председатель диссовета объяснит, что залогом «одобрямса» являются уже не репутация, а выживание — сохранение самой организации, финансирования, кадрового состава, материальной базы. Как сформулировал А. Ростовцев, «наукой заниматься дороже, чем профанацией. А деньги ты получаешь независимо от того, что там у тебя — профанация или наука» [26]. Вопреки известному совету, предписывается не расслабиться и получать удовольствие, а напрячься и симулировать. Но, как знают многие пары, даже симуляция не исключает соблюдения техники безопасности.

***

Коль скоро мы удовлетворяемся симуляцией как реакцией на «локальные вызовы», необходимо определить ее причины. К таковым я бы отнес:

- 1) безусловные и безальтернативные приоритеты количественных параметров отчетности [6, с. 48; 27–30];
- 2) особенности отечественного финансирования и материального поощрения научных и образовательных организаций, фундаментальных исследований, публикации результатов [31–33];
- 3) утрату регулирующих механизмов.

С первыми двумя причинами, уже хорошо описанными, мы, к сожалению, ничего поделать не сможем. А вот последний пункт — зона исключительно нашей ответственности.

К последнему пункту следует отнести девальвацию качественных и репутационных критериев и пренебрежение теми алгоритмами безопасности, которые веками вырабатывались серьезной академической наукой. Среди этих алгоритмов необходимо отметить ответственное применение критического подхода (лишь отчасти и без особого результата подменяемого рецензированием и модерированием), прививание и строгое соблюдение норм научной этики, сохранение чистоты и ясности методов и терминов, ответственность научного руководства для обеспечения преемственности школы.

Повторюсь: соблюдение этих алгоритмов должно способствовать восстановлению механизмов регуляции науки, но не повлияет ни на «локальные вызовы», с которыми сталкивается отечественная гуманитарная наука (потеря статуса, тотальная бюрократизация, «эффективный менеджмент», остаточное финансирование), ни на имитацию и симуляцию как способ ответа на них. Инициатива и способность если не ликвидировать одну причину из трех, то во всяком случае изнутри ослабить ее воздействие никак не изменит нашу практическую невозможность повлиять на две оставшиеся. Выполнение водителем требования «проверить и... обеспечить исправное техническое состояние транспортного средства» (п. 2.3.1 ПДД) не гарантирует безопасности дорожного движения — всегда останутся те, кто «не справился с управлением», неблагоприятные погодные условия, дураки на дорогах, но глупо и преступно пренебрегать этим требованием, как и ношением медицинской маски, не убивающей вирус, но препятствующей его распространению.

Гуманитарным наукам есть с чего брать пример — жесткие требования и механизмы безопасности и самоконтроля отработаны в медицине, где существуют предельно узкие специализации, многоуровневая подготовка специалистов, особые критерии профессионализма и предусмотрена ответственность вплоть до уголовной. На этом фоне любые ломаемые гуманитариями копыя не представляют никакой опасности ни для общественности, ни для самих гуманитариев, и именно потому не предполагают какой-либо ответственности даже перед коллегами, учителями и учениками.

Механизмы самоконтроля не надо придумывать — они уже есть, и это не только академические традиции, но и официальные «положения» (о степенях, диссоветах, редакционной этике и т.д.), регламенты, должностные инструкции. Как ни странно, именно бюрократическая формализация, традиционно обвиняемая во всех нелогичностях и несуразностях нашей жизни, предложила необходимые и даже достаточные инструменты регулирования, опираясь на некогда разработанные образцы нормативных документов. Вот только следование букве положений и исполнение типовых инструкций, как водится, приняло формы имитации, симуляции и подлога, не предусматривающие никакого контроля и ответственности. Отдельные представители научной общественности пытаются сохранить репутацию остатков отечественной науки, объединяются в «Диссернет», АНРИ и тому подобное, но и простое напоминание «снизу» о том, что спущенные «сверху» положения должны исполняться, затрагивает индивидуальные интересы и вызывает защитную реакцию с непрошибаемой аргументацией «сам такой» [34].

Предположу, что наладить и отрегулировать механизмы самоконтроля среди гуманитарных наук проще именно искусствоведению — вследствие корпоративной узости, налаженных тесных профессиональных контактов, крайне малого числа специальных институций, диссоветов и изданий. Достаточно указать, что автоматический поиск в пресловутом «списке ваковских журналов» [35] по слову «искусствоведение» дал 223 результата (для сравнения: «филологические науки» — 1056, «юридические науки» — 1682, «философские науки» — 549), а в списке действующих диссоветов, присуждающих степени по искусствоведению (на ноябрь 2020 г., независимо от шифра специальности), оказались всего 24 позиции («филологические науки» — 94, «юридические науки» — 54, «философские науки» — 41), а по некоторым специальностям — всего 2–3.

Важно и то, что подавляющее большинство организаций, объединяющих искусствоведов, подчинены не Миннауки и РАН, а Минкульту и оказались (пока что) менее затронуты пагубными «оптимизациями», внедрением балльной системы, «хиршаманией» и прочими благами наукометрии. Возможно, поэтому научная деятельность искусствоведов оказалась в меньшей степени подвержена количественной профанации, чем в целом ряде смежных дисциплин. Несколько свеженазначенных деканов и ректоров творческих вузов, срочно обзаведясь «статусными» степенями в «дружественных» диссоветах, тем и ограничили свой вклад в науку и сосредоточились на административной работе. Правда, в какой-то момент в диссоветы по искусствоведению охотно подавались работы на темы, более отвечающие «смежным», но имеющим иные шифры и «паспорта» специальностям «культурология», «музееведение», «теория архитектуры», «эстетика», что и стало одной из причин приостановки деятельности таких «всеядных» советов. Замечу, что специаль-

ность «искусствоведение» до сих пор не привлекала внимания «Диссернета», не в последнюю очередь потому, что ученая степень по искусствоведению, в отличие от экономических, юридических, социологических наук, не кажется администраторам, чиновникам, депутатам достаточно respectable и не свидетельствует о профессионализме госслужащих (даже в Минкульте предпочтут иметь дело с выпускниками университета управления или академии госслужбы).

В последние годы отечественное сообщество искусствоведов продемонстрировало и стремление, и способность к самоконтролю, изменив редакционную политику ряда профессиональных журналов, закрыв несколько диссоветов и слаженно перекрывая дорогу откровенно халтурным диссертациям (да, бывает и такое!), установив более жесткие, чем ваковские, требования к защитам в рамках самостоятельного присуждения степеней. Подразумеваемое «сообщество» — это не некая организационно оформленная структура; речь идет об осознанной «корпоративной» принадлежности, обусловленной полученным образованием и кругом общения. Эта принадлежность предполагает убежденность в элитарности своей деятельности, стремление к сохранению высокого статуса избранной дисциплины, ценность профессиональной репутации. Кроме того, искусствоведы сохранили нормы и традиции критики — художественной, театральной, музыкальной. От данной «корпорации» правомерно ожидать поддержания традиционных стандартов качества работы и неприятия девальвации профессионального статуса — кому же захочется служить эталоном «пустопорожней говорильни»...

Мы осознали наличие «локальных вызовов», но, боюсь, не осознали последствий привычной симуляционной реакции на них глубже уровня «кухонной» констатации. Мы незаметно и легко уподобились шварцевскому Охотнику, вместо добычи собирающему подтверждения своего первенства. Бесплезно рассчитывать на то, что звезды сойдутся и «сверху» спустятся новые критерии работы — не количественные, а качественные. До тех пор, пока мы сами не станем относиться к своей работе серьезно, ее результаты останутся «говорильней».

Ошибки неграмотных врачей, недоучившихся инженеров, неопытных юристов, рассеянных электриков порой обходятся очень дорого; представители этих профессий вынуждены четко следовать нормативам, регламентам, установленным алгоритмам. Почему же мы настолько не уважаем собственное дело, что готовы в угоду количественным показателям мириться с откровенной халтурой? Журналиста, опозорившего свое издание, со скандалом увольняют, адвокат, деятельность которого бросает тень на коллег, исключается из коллегии, врачи и сотрудники многих ведомств, в отношении профессионализма которых возникают сомнения, отстраняются от работы... Гуманитарии, имитируя бурную научную работу, штампуя и одобряя халтуру, не отвечают ни за что и не рискуют ничем. Единственное, что страдает от нарастающей симуляции, — репутация гуманитарной науки в целом.

Марку Аврелию приписывается фраза «Делай, что должен, и свершится, чему суждено». Остается понять — чему (или кому) должен? Это каждый должен определить для себя сам.

Один мой коллега предлагал: если нам «спускают» требования, кажущиеся абсурдными, давайте доведем их исполнение до абсурда. Если целями «долженствования» будут определены списки публикаций, количество защищенных диссертаций, отчеты, премии и прочие блага, у нас есть все инструменты для достижения этих

целей. Можно ежегодно публиковать десятки «пустышек», еженедельно выступать с докладами об одном и том же на онлайн-конференциях, писать «под копирку» формальные отзывы на все авторефераты. Это легко оправдывает деятельность в глазах руководства любого уровня.

Если же приоритет будет отдан качеству исследований, репутации как отдельного профессионала, так и представляемой им организации и дисциплины в целом, международному престижу отечественной науки, уважению учеников и коллег, у нас, как ни странно, для этого также есть все инструменты, сформулированные в положениях, требованиях и инструкциях. Речь идет лишь о следовании не букве нормативов, вполне удовлетворяющей составителей отчетов, а их духу, руководствуясь «требовательностью, принципиальностью и соблюдением научной этики» [18, п. 30]. Просто придется разграничить, что мы делаем «для галочки», а что — для науки, и лишний раз задуматься над тем, в каких журналах не зазорно публиковаться, в каких конференциях не стыдно участвовать и не придется ли краснеть за хвалебные рецензии на лишённые смысла и откровенно халтурные диссертации, авторефераты, сборники, монографии.

То немного, что от нас действительно зависит, — это использование внутри нашего узкого сообщества (не в курилках возле институтов, а на заседаниях отделов и советов, в отзывах и рецензиях) более разветвленной шкалы оценки, нежели привычные «отлично» и «хорошо». Справедливее перенести репутационные издержки со всей дисциплины, которую мы любим, на отдельных имитаторов. Признание работы не соответствующей критериям качества должно вызывать не смущенную улыбку, а принуждение автора к достижению этих критериев или же выведение его за пределы профессионального сообщества, которое (надеюсь) этими критериями по-прежнему дорожит.

Нам никто не мешает выработать и использовать критерии профессионализма, которые устраивают нас самих. Безусловно, они не заменят наукометрию и не повлияют на отчетность, но вполне могут стать инструментом сохранения того, что еще осталось от гуманитарной науки, — самоуважения и серьезного научного поиска, противопоставляемых бесплодным «говорильне» и «публикационной активности». Только нам выбирать — культивировать ли в себе комплекс «местечковости», показательно нагнетать количественные показатели или выполнять свою работу так, чтобы за нее как минимум не было стыдно.

Литература

1. Салтыков, Борис. «Реформирование российской науки: анализ и перспективы». *Отечественные записки*, no. 7 (2002): 25–41.
2. Гребнев, Леонид. «Россия в Болонском процессе: середина большого пути». *Высшее образование в России*, no. 4 (2004): 3–17.
3. Миронов, Владимир. «Размышления о реформе». *Вестник Московского ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование*, no. 3 (2013): 32–70.
4. Фомин, Дмитрий. «Академизм как наука: границы занятия в рамках возможностей». *Terra Espoticus* 9, no. 4 (2011): 88–115.
5. Варшавский, Александр, и Валентина Маркусова. «Оценку эффективности российских фундаментальных ученых следует скорректировать». *Наука и технологии России*. Дата обращения июнь 01, 2020. <http://www.sibai.ru/oczenku-effektivnosti-rossijskix-fundamentalnyix-uchyonyix-sleduet-skorrektirovat.html>.

6. Соколов, Борис. “Местечковая гуманитарная наука и образование перед вызовами третьего тысячелетия”. *Studia Culturae* 3, no. 29 (2016): 40–8.
7. Щербина, Евгения. “Как я бросила науку”. Дата обращения июль 01, 2020. https://batenka.ru/unity/quit-science/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
8. Луценко, Евгений. “Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации”. *Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ*, no. 108 (2015): 1–29.
9. Гринёв, Андрей. “Научные публикации и наукометрические показатели как объект нечистоплотного бизнеса”. *Вестник Российской академии наук* 88, no. 10 (2018): 908–17.
10. Кулешова, Анна, и Денис Подвойский. “Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды”. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, no. 4/146 (2018): 169–210.
11. “Оценка качества искусствоведческих исследований. Резолюция Международной ассоциации научно-исследовательских институтов истории искусств (RIHA)”. Дата обращения ноябрь 28, 2020. http://sias.ru/upload/RIHA_resolution.pdf.
12. Жмудь, Вадим. “Мошенничество на рынке псевдонаучных публикаций”. *Автоматика и программная инженерия*, no. 1/19 (2017): 131–48.
13. “В РАН предложили провести ревизию научных статей российских ученых”. *ТАСС-Наука*. Дата обращения июль 01, 2020. <https://nauka.tass.ru/nauka/8739997>.
14. “О журнале”. *Бюллетень науки и практики: научный электронный журнал*. Дата обращения октябрь 30, 2020. <https://www.bulletennauki.com/about>.
15. “В зарубежных научных журналах обнаружили 24 тыс. сомнительных российских публикаций. ТАСС-Наука”. *Диссернет*. Дата обращения август 14, 2020. https://www.dissernet.org/publications/tass_perevodnoy_plagiat.htm.
16. “20.02.2020. Опубликовано открытое письмо Большого ученого совета Государственного института искусствознания МК РФ”. *ГИИ*. Дата обращения июль 01, 2020. <http://sias.ru/institute/news/6788/>.
17. “Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Утверждено приказом Министерства образования и науки РФ № 1093 от 10.11.2017”. *Гарант*. Дата обращения июль 01, 2020. <https://base.garant.ru/71825906/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>.
18. “Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 ‘О порядке присуждения ученых степеней’ (с изменениями и дополнениями)”. *Гарант*. Дата обращения июль 01, 2020. <http://base.garant.ru/70461216/>.
19. *Альманах педагога*. Дата обращения май 24, 2020. <https://almanahpedagoga.ru/?yclid=2840943214790480104>.
20. “Коллективная монография или сборник статей”. *Издательство СПбГУ*. Дата обращения июнь 01, 2020. <https://www.publishing.spbu.ru/files/Чем%20коллективная%20монография%20отличается%20от%20сборника%20статей.pdf>.
21. “Архив коллективных монографий”. *НауCorp. Поволжская научная корпорация*. Дата обращения май 05, 2020. <https://www.naucorp.ru/kollektivnye-monografii/arkhiv-kollektivnykh-monografiy.php>.
22. “Коллективные монографии”. *АНО содействия развитию современной отечественной науки. Издательский дом “Научное обозрение”*. Дата обращения июнь 05, 2020. <http://russian-science.info/category/monography>.
23. “Коллективная монография ‘Вопросы современной науки’”. *Интернаука*. Дата обращения июнь 05, 2020. <https://www.internauka.org/monograph>.
24. “Коллективные монографии”. *Наука и образование: новое время*. Дата обращения июнь 05, 2020. <https://articulus-info.ru/uslugi/monografii/kollektivnaya-monografiya/>.
25. Кириллова, Ольга. “Брокер гонит брак. Как российским авторам и издателям не попасть в черные списки”. *Поиск* 13, март (2017).
26. Головина, Ольга. “Андрей Ростовцев: Все больше неучей приходит в управление страной. Новый проспект”. *Диссернет*. Дата обращения ноябрь 24, 2020. https://www.dissernet.org/publications/newprospect_ar.htm.
27. Мотрошилова, Нелли. “Недоброкачественные сегменты наукометрии”. *Вестник Российской академии наук* 81, no. 2 (2011): 134–46.

28. Степанова, Юлия. “Оценка результатов научно-исследовательской деятельности”. *Медицинский академический журнал* 14, no. 3 (2014): 73–81.
29. Гринёв, Андрей. “Некоторые размышления университетского историка о проблемах наукометрии”. *Историческая экспертиза*, no. 2/3 (2015): 64–77.
30. Тарасевич, Юрий, и Таисия Шиняева. “Критерии оценки состояния и развития научных исследований на основе анализа наукометрической информации”. *Вопросы образования*, no. 2 (2015): 221–40.
31. Дежина, Ирина. *Механизмы государственного финансирования науки в России*. М.: ИЭПП, 2006.
32. Ларин, Сергей, и Юрий Хрусталёв. “Исследование современных подходов к финансированию фундаментальных научных исследований за рубежом и в России”. *Финансы и кредит*, no. 17/593 (2014): 10–21.
33. Миндели, Л., отв. ред. *Финансирование исследований и разработок в России: состояние, проблемы, перспективы*. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2013.
34. Ипполитов, Сергей. “Толые короли’ ‘Диссернета’, или О некоторых этических основах околонаучного активизма”. *Экономический журнал*, no. 2/46 (2017): 78–90.
35. “Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 24.03.2020 г.)”. Дата обращения ноябрь 14, 2020. <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=6198>.

Статья поступила в редакцию 7 января 2021 г.;
рекомендована в печать 25 февраля 2021 г.

Контактная информация:

Кононенко Евгений Иванович — д-р искусствоведения; j_kononenko@inbox.ru

Once Again about Simulation of Scientific Activity in the Humanities

E. I. Kononenko

State Institute for Art Studies,
5, Kozitsky per., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Kononenko, Evgenii. “Once Again about Simulation of Scientific Activity in the Humanities”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 11, no. 2 (2021): 327–349.
<https://doi.org/10.21638/spbu15.2021.209> (In Russian)

This work is inspired by the article “Local Humanities and Education in Front of the Third Millennium Challenges” by B. G. Sokolov. He discussed the “local challenges” generated by “integration” and “optimization” that have nothing to do with the scientific process, and about simulation actions as the expected response to these challenges. The author considers typical ways of simulating the scientific process, leading to an increase in the quantitative parameters of reports, but not contributing to an increase in scientific knowledge (artificial increase in publication activity; defense of frankly weak qualifying works, including dissertations; imitation pseudoscientific conferences; “omnivorous” paid journals; blurring the lines between genres of work in pursuit of funding). The proliferation of simulation mechanisms that do not contradict normative documents testifies to the loss of the qualitative criteria necessary for the self-preservation of science. The use of regulatory instruments provided for by the current bureaucratic acts is also formal, and often overtly simulated. In fact, many of the identified “challenges” are not “local”, inherent exclusively to Russian science. In addition, as the practice of recent years shows, the problems and consequences of the simulation of scientific work are well understood by domestic scientists who are trying to draw attention to anomalies and develop mechanisms to counter their manifestations (activity of *Dissernet* and ASEP), which

indicates the existence of an “initiative from below”. The author believes that the activity of the professional community of art historians and critics can become a model in restoring regulatory mechanisms for the humanities. The criteria for the quality of scientific work and traditions of criticism that have survived in this community will not replace the imposed quantitative parameters, but can reduce the reputation losses of the Russian humanitarian science.

Keywords: humanities, art history, simulation, scientometrics, self-preservation, *Dissernet*, “predatory journals”.

References

1. Saltykov, Boris. “Reforming Russian Science: Analysis and Prospects”. *Otechestvennye zapiski*, no. 7 (2002): 25–41. (In Russian)
2. Grebnev, Leonid. “Russia in the Bologna Process: The Middle of a Long Journey”. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 4 (2004): 3–17. (In Russian)
3. Mironov, Vladimir. “Reflections on Reform”. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 3 (2013): 32–70. (In Russian)
4. Fomin, Dmitrii. “Academism as a Science: The Boundaries of the Class Within the Scope”. *Terra Economicus* 9, no. 4 (2011): 88–115. (In Russian)
5. Varshavskii, Aleksandr, and Valentina Markusova. “The Assessment of the Effectiveness of Russian Fundamental Scientists Should be Adjusted”. *Nauka i tekhnologii Rossii*. Accessed June 01, 2020. <http://www.sibai.ru/oczenku-effektivnosti-rossijskix-fundamentalnyix-uchyonyix-sleduet-skorrektirovat.html>. (In Russian)
6. Sokolov, Boris. “Local Humanities and Education Facing the Challenges of the Third Millennium”. *Studia Culturae* 3, no. 29 (2016): 40–8. (In Russian)
7. Shcherbina, Evgeniia. “How I Quit Science”. Accessed July 01, 2020. https://batenka.ru/unity/quit-science/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (In Russian)
8. Lutsenko, Evgenii. “Hirshmania in Assessing the Results of Scientific Activity, Its Negative Consequences and an Attempt to Overcome Them Using a Multicriteria Approach and Information Theory”. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal KubGAU*, no. 108 (2015): 1–29. (In Russian)
9. Grinev, Andrei. “Scientific Publications and Scientometric Indicators as an Object of Unscrupulous Business”. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 88, no. 10 (2018): 908–17. (In Russian)
10. Kuleshova, Anna, and Denis Podvoiskii. “Paradoxes of Publication Activity in the Field of Modern Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends”. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 4/146 (2018): 169–210. (In Russian)
11. “Assessment of the quality of art criticism research. Resolution of the RIHA”. Accessed November 28, 2020. http://sias.ru/upload/RIHA_resolution.pdf. (In Russian)
12. Zhmud, Vadim. “Fraud in the Market for Pseudoscientific Publications”. *Avtomatika i programnaia inzheneriia*, no. 1/19 (2017): 131–48. (In Russian)
13. “The RAS offered to revise the scientific articles of Russian scientists”. *TASS-Nauka*. Accessed July 01, 2020. <https://nauka.tass.ru/nauka/8739997>. (In Russian)
14. “About the Journal”. *Biulleten' nauki i praktiki: nauchnyi elektronnyi zhurnal*. Accessed October 30, 2020. <https://www.bulletennauki.com/about>. (In Russian)
15. “24 Thousand Dubious Russian Publications were Found in Foreign Scientific Journals. TASS-Science”. *Dissernet*. Accessed August 14, 2020. https://www.dissernet.org/publications/tass_perevodnoy_plagiat.htm. (In Russian)
16. “An open letter from the Grand Academic Council of the State Institute of Art Studies of the MK RF from 20.02.2020”. *GII*. Accessed July 01, 2020. <http://sias.ru/institute/news/6788/>. (In Russian)
17. “Regulation on the council for the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences. Approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1093 Dated 10.11.2017”. *Garant*. Accessed July 01, 2020. <https://base.garant.ru/71825906/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>. (In Russian)
18. “Resolution of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 No. 842 ‘On the procedure for awarding academic degrees’ (with amendments and additions)”. *Garant*. Accessed July 01, 2020. <http://base.garant.ru/70461216/>. (In Russian)

19. *Teacher's Almanac*. Accessed May 24, 2020. <https://almanahpedagoga.ru/?yclid=2840943214790480104>. (In Russian)
20. "Typological Differences Between Scientific Publications: A Collective Monograph and a Collection of Articles". *Izdatel'stvo SPbGU*. Accessed June 01, 2020. <https://www.publishing.spbu.ru/files/Chem%20kollektivnaia%20monografii%20otlichaetsia%20ot%20sbornika%20statei.pdf>. (In Russian)
21. "Archive of Collective Monographs". *NauCorp. Povolzhskaja nauchnaia korporatsiia*. Accessed May 05, 2020. <https://www.naucorp.ru/kollektivnye-monografii/arkhiv-kollektivnykh-monografiiy.php>. (In Russian)
22. "Collective Monographs". *ANO sodeistviia razvitiu sovremennoi otechestvennoi nauki. Izdatel'skii dom "Nauchnoe obozrenie"*. Accessed June 05, 2020. <http://russian-science.info/category/monography>. (In Russian)
23. "Collective monograph 'Questions of modern science'". *Internauka*. Accessed June 05, 2020. <https://www.internauka.org/monograph>. (In Russian)
24. "Collective Monographs". *Nauka i obrazovanie: novoe vremia*. Accessed June 05, 2020. <https://articulo-info.ru/uslugi/monografii/kollektivnaya-monografiya/>. (In Russian)
25. Kirillova, Olga. "The Broker Drives the Defect. How Russian Authors and Publishers Avoid Blacklisting". *Poisk* 13, March (2017). (In Russian)
26. Golovina, Olga. "Andrei Rostovtsev: More and More Ignoramuses Come to Rule the Country. New Prospect". *Dissernet*. Accessed November 24, 2020. https://www.dissernet.org/publications/newprospect_ar.htm. (In Russian)
27. Motroshilova, Nelli. "Poor Segments of Scientometrics". *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 81, no. 2 (2011): 134–46. (In Russian)
28. Stepanova, Iuliia. "New Approach to an Assessing of Results of Research Activity". *Meditssinskii akademicheskii zhurnal* 14, no. 3 (2014): 73–81. (In Russian)
29. Grinev, Andrei. "Some Reflections of a University Historian on the Problems of Scientometrics". *Istoricheskaja ekspertiza*, no. 2/3 (2015): 64–77. (In Russian)
30. Tarasevich, Iurii, and Taisiia Shiniava. "Criteria for Assessment of Current Condition and Development of Research Studies Based on Scientometric Data Analysis". *Voprosy obrazovaniia*, no. 2 (2015): 221–40. (In Russian)
31. Dezhina, Irina. *Mechanisms of State Financing of Science in Russia*. Moscow: IEPP Publ., 2006. (In Russian)
32. Larin, Sergei, and Iurii Khrustalev. "Research of Modern Approaches to Financing Fundamental Basic Scientific Researches Abroad and in Russia". *Finansy i kredit*, no. 17/593 (2014): 10–21. (In Russian)
33. Mindeli, L., executive ed. *Financing of Research and Development in Russia: State, Problems, Prospects*. Moscow: In-t problem razvitiia nauki RAN Publ., 2013. (In Russian)
34. Ippolitov, Sergei. "The Naked Kings of Dissernet, or on Some Ethical Bases of Quasi-Scientific Activism". *Ekonomicheskii zhurnal*, no. 2/46 (2017): 78–90. (In Russian)
35. "The List of Peer-Reviewed Scientific Publications in Which the Main Scientific Results of Dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, for the Degree of Doctor of Sciences (24.03.2020)". Accessed November 14, 2020. <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=6198>. (In Russian)

Received: January 7, 2021
Accepted: February 25, 2021

Author's information:

Evgenii I. Kononenko — Dr. Habil. in Arts; j_kononenko@inbox.ru